

Здесь кебаб

хвост

окошечки

Юлия Слапогузова

колеса, т.е. масса,

целый торт (потому что не падает?)

крыло

здесь след от самолёта (Белые полосы)

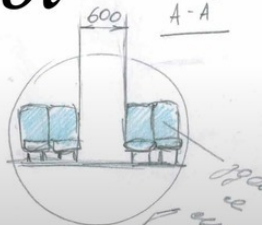
Три большие разницы

A →

Вид сверху
A-A

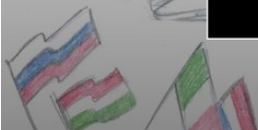
сумочка

здесь сидеть

рассказы о том, чего не бывает

Согласен

15.08.16

Юлия Валентиновна Слапогузова
Три большие разницы.
Рассказы о том, чего не бывает

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282421
ISBN 9785448386015*

Аннотация

Что такое любовь? Много ли общего имеют мечты и реальность? Герои рассказов сборника «Три большие разницы» ищут и находят ответы на эти вопросы.

Содержание

Три большие разницы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Три большие разницы Рассказы о том, чего не бывает

Юлия Валентиновна
Слапогузова

© Юлия Валентиновна Слапогузова, 2017

ISBN 978-5-4483-8601-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эти истории от начала до конца являются вымыслом, где события и персонажи – плод воображения автора, а совпадения случайны.

Три большие разницы

Говорят, если не знаешь, с чего начать рассказ, начни с фразы «шёл дождь», потом зачеркнёшь.

В тот день дождя не было. Тепло, серо, пыльно и душно – обычная московская погода. Хотя в Москве мало кто обращает внимание на погоду. На это нет времени.

Москва – город, где сходят с ума. Люди злятся по любому поводу – транспорт, пробки, толпа. Люди ненавидят друг друга. Иногда бывает страшно, сколько концентрированной неприязни вокруг. Люди спешат, летят, поражая друг друга ненавистью, как картечью.

Многие верят в бога, большинство – для простоты понимания жизни. Для таких божественное начало – это некое «хорошо». Дьявольское – «плохо». Мне кажется, это не так. Бог – это и плохо, и хорошо. Дьявол – это хаос. Это как смешение жанров в кино, безвкусное и безнравственное по отношению к зрителю. Когда любовь, инопланетяне и детектив.

Когда-то мои мечты были больше сегодняшних, и я хотела быть сценаристом, успешным, как Джо Эстерхаз, креативным, как Орсон Уэллс, и правдивым, как Чезаре Дзаватини. Ни того, ни другого, ни третьего из меня не вышло, вместо этого я сама стала персонажем скучного фильма: пишу лживые пресс-релизы, корректирую статьи и придумы-

ваю рекламные слоганы.

Если вы работаете в банке, вы – на стороне зла.

Я работаю в банке.

Банки – мировое зло. Из инструмента помощи человеку банковская система давно превратилась в способ порабощения. Все эти потребительские кредиты, ипотеки и прочие «программы поддержки» – всего лишь ростовщичество. Смертный грех, кстати, в некоторых религиях. Все служат этому злу, все его жертвы или рабы. Как курильщик не может без сигареты, как наркоман торчит на героине, так человек, организация или целая страна сидят на кредитной игле. Банки высасывают ваши ресурсы, ничего не производя. Вы когда-нибудь задумывались, почему банк берёт ваши деньги под маленький процент, а одалживает их вам же под большой? Эта разница нужна для содержания огромной армии бездельников – банковских служащих, больших и маленьких. К сожалению, я одна из них.

Да, я работаю в банке.

День в нашем отделе начинается так: опоздавшие минимум на полчаса сотрудники усердно трудятся – чем больше опоздание, тем усерднее труд. Иногда кто-то из них подбрасывает в воздух тему для разговора, и, не отрывая головы от мониторов, тему поддерживают остальные. Вчера, например, моя маленькая начальница Елена Чердакова, потеряв виски, спросила: а кто знаком с так называемыми «мушками» в глазах? Знакомы были все. Народ вяло обсуждал му-

шек, и все единогласно сошлись, что ничего опасного: кровавые тельца, проплывая в желе глазного яблока, отбрасывают на глазное дно тень. Я-то знала, что в фейсбуке только что всплыл смешной ролик на эту тему, а значит, весь отдел сидит в запрещённых соцсетях. Но делают вид, что работают.

Или, например, появляется в той же сети подборка старинных фотографий жертв красоты – китайские микроскопические ножки, африканские членовредительства, филиппинские длинные шеи. И весь отдел перетирает это до обеда. Дорогие мои, всмотритесь в зеркало. Все эти ваши перманентные брови, глаза и губы разве не то же самое? Раз в полгода каждая банковская женщина приходит на работу с опухшим счастливым лицом после визита к косметологу или хирургу. В эти дни главное для неё – не покидать надолго рабочее место, дабы не искушать коллег возможностью подробно обсудить изменения в её внешности.

Любые разговоры сотрудники поддерживают как бы неохотно, слабым от напряжённой работы голосом, с длинными паузами. Всё обсуждается с видом «работы невозможно много, но и общение надо поддержать, всё-таки мы – команда».

Как правило, эту работу можно сделать за полчаса. Но это страшный и большой секрет. Тайна. Её охраняют как знамя полка или пин-код от карточки с запиской. Не так важен результат, как впечатление адского труда, производимое сотрудником. Если он вытирает пот со лба, скрипит суставами

ми или извилинами (у кого что есть), если жалуется на усталость – значит, работает. Самый беспроблемный вариант, конечно, уходить с работы ночью, но это всегда было выше моих сил. Я каждый день прихожу и ухожу вовремя, пишу быстро и не беру работу на дом, чем не только нарушаю установившийся порядок, но и демонстрирую неуважение к тем, кто этот порядок чтит выше чести и здравого смысла.

Я – возмутитель их спокойствия. Асоциальная личность.

В свою очередь я тоже не испытываю уважения к коллегам, скорее, жалость. А как ещё относиться к готовности людей посвятить лучшие двадцать лет своей жизни бессмысленной работе и выплате кредита за квартиру, которая находится в двух с половиной часах езды от всего? Двадцать лет! Подрастают дети, старятся родители, крутится земля – всё мимо! Нет, я всегда снимаю квартиру рядом с работой. Мне нравится поздно вставать, варить итальянский макиато или голландский чёрный густой кофе типа «грязь», медленно собираться и идти на службу пешком в соседнее здание. Не торопясь. Наслаждаясь погодой – любой. Каждым шагом наслаждаясь, каждым. Улыбаться. Думать. Медленно складывать зонт, если прошла через дождь. Встряхивать головой, чтобы капли не попали за воротник.

И как смотрят на меня те, кто добирался до работы два часа, спешил, нервничал и всё равно опоздал? Промочил ноги, вспотел, замёрз, испачкался? Добавьте сюда коктейль из долгов, мигрени, недосыпания и прочих обязательных атрибу-

тов современного человека, и вы поймёте природу зависти ко мне. Когда я вижу эти лица, меня накрывает жалость к рабам системы и жертвам рекламы. И чувство вины, ведь я – одна из тех, кто эту рекламу создаёт. Я работаю в отделе маркетинга.

Сегодня Лена Чердакова довела меня до истерического смеха. Смешная, гадкая, шарахнутая ипотекой Леночка. Человек противоречий. Брюнетка, которая красится в блонд. Сорокалетняя дама, косящая под подростка. Маленького роста, но на огромных каблуках. Партнёра нет, но есть образ роковой женщины.

Она была влюблена в шефа. Шеф был женат, но брал под покровительство молоденьких девиц. Был при этом крайне осмотрителен. Леночка мечтала о нём. Чтобы и служба, и ипотека, и личная жизнь – всё тут, всё рядом. Чтоб с пользой для карьеры, в конце концов. Чтоб не ехать два часа во Фрязино, чтоб всё успевать в одном месте. Но то ли не была она молоденькой в его глазах, то ли не видел он в ней девицу, он оставался равнодушным и к её коротким юбкам, и к расстёгнутым пуговкам, и к покрашенным глазкам. Леночка даже решилась на контрольный выстрел в голову – купила духи и сделала татуаж бровей. Рикошетом задело Виктора из отдела финансового планирования, но бронированный шеф был неуязвим. А ведь татуаж, между прочим, денег стоит, и это был настоящий подвиг, ибо с этой ипотекой

она даже кофе варила дома, приносила на работу в термосе и переливала в стакан из Старбакса.

Как бывший будущий сценарист, я могу определить суть истории и роль в ней любого человека. Всегда можно понять, сам человек двигает свою историю, или история двигает его. Всегда можно определить жанр: высокий, средний или низкий. Трагедия, драма или комедия. Я без труда отличу главного героя от второстепенного. Есть обманки – вроде герой, а на деле – пустышка. Есть разные амплуа. Есть эпизодические персонажи, они могут двигать сюжет, но самостоятельной ценности не имеют, только в контексте истории. Результат моих наблюдений: истинных героев крайне мало, нежелание персонажей двигать свою историю превращает их жизнь в скучный горизонтальный сериал. Люди боятся жить, боятся быть собой. Они не слышат себя, не чувствуют своего предназначения. Их поступки не соответствуют их амплуа. Вот Леночка Чердакова. Она, безусловно, героиня. Но героиня жанра низкого, комедии ситуаций – придурковатый персонаж, путающий всё – от вещей в своём гардеробе до причины со следствием. Она распространяет вокруг себя ауру беспричинной тревоги и сумасшествия. Таких обычно начинают дразнить ещё в школе – «существо, существо, выделяет вещество». На одной чаше весов у неё – глупость, простая и с лёгкой горчинкой, как ржаная лепёшка. На другой – сложные амбиции. Весы раскачиваются, как маятник гипнотизёра, и Чердакова грезит наяву. Себя она, конечно,

мнит героиней самого высокого жанра, какой-нибудь эпической поэмы. Прометеем в юбке.

Сегодня с утра Леночка решила разбудить меня. Я давно заметила за ней странное желание забраться ко мне в постель – позвонить глубокой ночью по смешному поводу. Её раздражало, что я встаю в восемь, а не в шесть, как она. Думаю, последние пару месяцев она садилась в метро с одной мыслью – придумать за время поездки повод для звонка на мой номер. Учитывая небогатство её фантазии, задача была не из лёгких. Сегодняшний первый звонок поступил в шесть тридцать. Наверное, она ликовала, слушая гудки в трубке, но я под одеяло беру только любимую книжку, а телефон отправляю в глухую эмиграцию, поэтому ей пришлось изложить свою просьбу в письменном виде. А теперь представьте себе параллельные сцены – Леночка в переполненном вагоне и я в своей широкой кровати. Набирая буквы в телефоне, она стоит в толпе потных полусонных людей, тыкается в них носом, они наступают ей на ноги и говорят: «Женщина, держитесь за поручень». Я переворачиваюсь со спины на живот и вижу сладчайший сон. Третья сцена – мой сон. Ласковое море, солнце, пальмы. Странное дерево на берегу. Я имею свой «джюс» на берегу бассейна, как сказал другой писатель по другому поводу. Это остров Аруба, куда я ещё не доехала, но давно собираюсь. И снова вагон метро: Леночка набирает сообщение. Она пишет, что я,

как человек много читающий, срочно должна вспомнить хорошую книгу на банковскую тему. Она хочет знать, как сейчас принято изображать банковскую сферу в художественной литературе. Сообщение мгновенно достигает адресата, современные технологии – это вам не фунт изюма, но адресат спит, разметавшись по белоснежным простыням. И снова Аруба: красивые аборигены, ещё один коктейль, и свежий морской бриз колышет тент над шезлонгом. Будь я сценаристом, я бы и четвёртую сцену сюда добавила, но сейчас не об этом.

На работу Леночка прибыла во взвинченном состоянии. Страстно мечтала о моём опоздании. Я как раз сидела за компьютером, когда она вошла в отдел. Отправляя ей по электронке список книг о банках и банкирах с кратким изложением сюжета. Леночка побагровела.

Если перевести на человеческий, что она мне сказала тогда своим звенящим, как пионерский горн, голосом, то это была просьба, вернее, настоятельная рекомендация всегда и везде отвечать на её звонки. В постели, в ванной, в объятиях любимого, вечером, ночью, утром и днём. В выходные и в отпуске. Телефон не отключать и трубку снимать после первого же гудка. Как пишут в женских романах, самообладание оставило меня, и я рассмеялась. Таким образом, закрытый до настоящего момента конфликт стал открытым. Если вас интересует мой ответ Леночке, то он был резко

отрицательным. Леночка превратилась в кобру и затаилась. Только кожаный капюшон пульсировал и шлёпали по столу кончики раздвоенного языка.

Было прекрасное пятничное утро, а по пятницам я отправляюсь к шефу брать интервью. Звонит телефон, и администратор приглашает меня в кабинет к светлейшему. Шеф делает суровый вид (такой же, как вечно занятые сотрудники нашего отдела), сворачивает пасьянс «косынка» и усталым голосом сообщает несколько цифр. Эти цифры он мог бы продиктовать по телефону или отправить через секретаря. Но он предпочитает интервью. Я знаю почему. Потому что ему: а) не с кем поговорить; б) хочется поговорить со мной. Это продолжается несколько месяцев. Леночка знает и завидует. Чтобы подпитывать её зависть, я надеваю по пятницам рубашку из тонкой ткани и узкие брюки, и она сверкает глазами. Это наша традиция.

Есть некий баланс, водораздел – то, чего мы обе себе не позволяем, но сегодня Леночка перешла сразу несколько границ. Её зависть вышла из берегов. Она позволила себе повысить голос и публично заявить, что я не имею права спать, когда она звонит. Обычно я созерцаю её с любопытством и жалостью, но сегодня решила сменить статику динамикой. Пора прервать ленивые наблюдения и начать движение вперёд. Хватит плыть по течению. Я создам свою новую историю. Жанр? Это будет сложная комедия, возможно, с элементами чёрной драмы и бурлеска. Кроме того, это од-

нозначно будет нуар. Как «Леди из Шанхая» или «Мальтийский сокол». Держись, Лена.

Позвонила секретарь шефа. Я расстегнула пуговицу на рубашке и шагнула в его кабинет, как дрессировщик в клетку со львом. Со щитом или на щите. Шеф спрятал в ящик стола фляжку, украшенную золотым российским гербом. Эхо коньяка витало в воздухе. Я села чуть ближе, чем обычно.

Мне было нечего терять. Ещё утром я решила написать заявление об увольнении и попросить подругу из отдела кадров придержать его до понедельника. Если бы меня заставили отрабатывать две недели, я бы ушла на больничный – на первом этаже нашего офисного центра сидел платный терапевт и предоставлял такую возможность всем желающим.

Шеф заглянул мне в глаза и потерялся. Чтобы скрыть смущение, он встал и отвернулся к окну. Стоя ко мне спиной, предложил записать развёрнутое интервью, а то что всё цифры да цифры, кому нужна эта сухая статистика. В этот момент под окнами раздались сирены и промчалась вереница машин. Я встала рядом, задев его плечом.

– Какой чудесный вид, – сказала я. – Из окна. Смотрела бы и смотрела. Как романтично. И эти машины с мигалками – они как бы добавляют тревоги в умиротворённый городской пейзаж, они как начало саспенса, не так ли?

– Да, – согласился шеф. – В самом деле, вступительная

часть несколько затянулась, я чувствую себя забродившим Ромео, а ведь я активный, деятельный, молодой душой и телом человек. Я предлагаю перейти к завязке. К иницилирующему событию, что ли.

С этими словами шеф положил мне руку на плечо.

– Я тоже предпочитаю динамичные истории, – сказала я. – С таким, знаете, рваным ритмом, то замедляющимся, то пульсирующим. Но ход и место истории, думаю, придётся определять вам.

– Да, – сказал шеф. – Но мне очень важно, чтобы не пересекались параллельные сюжеты. Скажем, работа, семья и наши возможные отношения. Могу я надеяться, что эти сюжеты будут развиваться независимо друг от друга?

– Конечно, – соврала я. – Для этого есть множество способов. Например, разделить истории по географическому принципу – пусть каждая происходит на своей территории.

Я уже слышала в коридоре голоса и знала, что сейчас произойдёт. Мы по-прежнему стояли спиной к двери.

– Сегодня пятница, – продолжил шеф. – А завтра суббота. Я приглашаю вас... Куда же мне вас пригласить? В Москве никак...

– Я приглашу вас сама, – сказала я контральто.

В кабинет вошла Леночка. Всей поверхностью своего тельца она впитала эту картину: два силуэта – я и её безответно любимый шеф – на фоне большого окна, как «Унесённые ветром», он обнимает меня рукой за плечи, я вглядыва-

юсь вдаль. Леночка закрыла дверь с той стороны. Шеф даже не обернулся. Тяжеловес. Уважаю.

Я вернулась в отдел с ощущением невесомости. Почти лета. Или падала с большой высоты. Слегка захватывало дух.

Краем глаза я увидела, как моя коллега Лариса выкладывает снимки своей собачки по имени Вантуз в социальную сеть. Я села за компьютер и открыла эти фото. Лара целует свою собаку прямо в пасть, фу. На всех снимках у Вантуза был чрезвычайно брезгливый вид. Я почувствовала с ним солидарность.

– Я ухожу, – сказала я Леночке.

– Есть уважительная причина? – встрепелась она. – Какая?

– Есть. Я не хочу здесь быть.

Если разделять сюжетные линии географически, то ничего лучше путешествия не придумаешь. Шеф отдал на моё усмотрение подготовительный период нашей истории, и я решила дать волю фантазии. У меня было несколько часов, чтобы определиться, куда мы с ним летим на выходные. Надо выбрать направление, согласовать его с шефом и забронировать билет.

Кое-кто считает, что путешествовать можно куда угодно, главное – готовность к новым впечатлениям и творческий

подход. Я и сама так думала, пока не оказалась два года назад в Исландии. Решила несколько дней провести в незнакомой стране. С собой у меня было платье с открытой спиной и купальник. Температура воздуха в Рейкьявике в июле была десять градусов, а цены на тёплую одежду а-ля «бабушкин свитерок» – выше, чем в московских бутиках, раза в три. Сидеть и греться в кафе было ещё дороже. Купальник можно было надеть разве что в ванную, где я регулярно пыталась согреться в кипятке, который в Исландии пахнет сероводородом. Нет, выбирать направление путешествия надо тщательно, даже если ваша история не роуд-муви. Направление может серьёзно повлиять на сюжет, не забывайте об этом.

Я отправилась к Жанне.

Жанна – моя подруга, джазовая певица, умница и красавица. Поёт джаз в клубе «Соло». В свободное от джаза время консультирует как психолог. Правда, слово это не любит и называет себя специалистом по связям с реальностью. Её кабинет – напротив нашего офисного центра. Подозреваю, это неспроста. Я захожу к ней на чай, и она меня любит, как сама говорит, за отсутствие ко мне профессионального интереса. Мне нравится слушать, когда она говорит и когда поёт.

– Как там твои социопаты? – это она про коллег. – Только не надо их путать с интровертами, дорогая. Они не боятся общества, они его цинично используют в своих шкурных интересах. Они опасны для психики окружающих. Ни жалости,

ни совести, ни любви. От таких надо держаться подальше.

Я делаю вид, что для меня это открытие.

– Психопаты, социопаты, – продолжает Жанна, – это диссоциальное расстройство личности, характеризуется, в частности, игнорированием социальных норм, агрессивностью, импульсивностью, неспособностью любить и потребностью использовать людей. Среди руководителей процент таких людей чрезвычайно высок, поверь мне, ведь именно руководящая должность даёт возможность реализовать тягу к власти и потребность в самоутверждении.

Я же говорю, Жанну всегда приятно слушать. Даже когда она говорит о работе, это всё равно – песня. Я коротко изложила вопрос.

– Итак, – Жанна затянулась длинной электронной сигаретой (подозреваю, что курила она исключительно для красоты), – Италия, Нидерланды и Венгрия. У тебя странный набор направлений для путешествия с шефом. Если выбирать по алфавиту, то Венгрия. Если по климату, то Италия. А если хочется драйва, то однозначно Нидерланды.

– Дорогая, – ответила я ей в тон, – у меня два неполных дня. Давай не называть страны, сосредоточимся на более мелких деталях, например, на городах. Есть Рим, Амстердам и Будапешт. И про голландский драйв. Амстердам – довольно скучный город для тех, кто там бывал хотя бы несколько раз. Красные фонари, каналы и несколько музеев. Ноч-

ная жизнь умирает в восемь вечера, когда закрываются кафе и супермаркеты. Курящие траву в кофе-шопах арабы – вот всё, что сегодня составляет ночную жизнь Амстердама.

Жанна сделала вид, что задумалась.

– Ты всё уже решила, – сказала она, – но хочешь, чтобы я сказала это вслух.

Я промолчала скорее утвердительно, чем отрицательно.

– Холодное московское лето. Суета. Ты устала. Тебе нужно солнце, море и много калорийной вкусной еды.

– Рим.

– Но не забывай: мы – хозяйева своей истории. Никто, кроме нас, не напишет сюжет. И мы всегда можем всё изменить, скомкать ненужную страницу, выбросить и переписать заново. Ты полетишь в Рим, это твоё решение. Это слово прозвучало в твоей голове. Ты с тем же успехом могла сейчас услышать в своём подсознании и «Амстердам», и «Будапешт». А всё, что ты услышишь лично от меня, – моя новая песня. Вчера в студии записала.

Жанна торжественно вручила мне флешку. Обожаю её.

Есть такая музыка, которая вызывает невыразимые чувства. Чувства – есть, а названия им – нет и быть не может. Как новый запах. Как новый вкус. Есть, конечно, общепринятые определения стилей и инструментов, дающие возможность хотя бы слабого выражения музыкальных эмоций в словесной форме. Да, Жанна играла и пела джаз, но как –

объяснить невозможно. Как дыхание. Как полёт. Да, это был полёт.

Наш самолёт приступил к снижению. Впервые в жизни я летела бизнес-классом. Ничего особенного, только много людей с лишним весом вокруг. Шеф постоянно трогал мои колени, и я боролась с желанием вытереть ему слюни. В джинсах и узкой рубашке он выглядел ещё хуже, чем в костюме. В общем, он был мне больше безразличен, чем неприятен. Обычный врун и притворщик. Лицемер. Лицо банка. С лицом-банкой. Стюардесса смотрела на меня с сочувствием и наконец велела пристегнуть ремни. Самолёт мягко приземлился. Рим.

Есть одна вещь, которую я не люблю в путешествиях: багаж. И дело в не в том, что его могут потерять, хотя и это тоже. Просто не люблю тратить время на его получение. Я летаю с маленьким чемоданчиком, который беру с собой в самолёт. Но сегодня я была рада, что существует эта обязательная для путешественников процедура – толпиться возле транспортёрной ленты, ожидая, пока из недр аэропорта не выползет змея разноцветных сумок.

Мой шеф отправился получать багаж. Я помахала ему рукой и удалилась якобы в туалет, а на самом деле на улицу, в такси и в город. Я продумала свой побег заранее. К чёрту лицо-банку. В Риме меня ждёт Марио.

С Марио мы познакомились в прошлом сентябре. Международная компания начинающих яхтсменов арендовала яхту. У меня была лишняя тысяча евро. Не шубу же на неё покупать, – я решила, что буду увлекаться яхтингом и вошла в компанию. Оплатила участие в переходе Сардиния – Корсика и обратно. Всё было бы хорошо, но оказалось, что мой организм не выносит качки, а в конце сентября в этих местах штормит. В общем, меня тошнило всегда и везде, и даже у берега. Когда мы отчалили, мой отдых превратился в ад. Меня тошнило в каюте и на палубе. Хватая ртом воздух, я сошла в первом же порту Корсики. Наша яхт-компания должна была сделать круг и через неделю забрать меня там, где оставила. Мне было дано напутствие не скучать. Вечером в мой скромный номер постучался один из участников качки – итальянец Марио. Сказал, что не смог оставить меня одну на растерзание корсиканцам.

Марио было сорок шесть, большую часть жизни он провёл на Сицилии, но сейчас, по его словам, жил в Риме, в самом сердце древнего города. Один. То есть с мамой. Марио поселился в соседнем номере нашей игрушечной гостиницы в порту Бонифачо и приносил мне каждое утро кофе в номер. Так прошла неделя. За неделю я научилась отличать крок-мадам от крок-месье и правильно есть устрицы. Каждый наш день начинался с бутылки «розе», ей и заканчи-

вался. Мы пили это розовое пойло в гостинице, ресторанах, на берегу, на скалах утром, днём, вечером и ночью. Марио оплачивал все расходы, был пылок и сдержан одновременно. Каждый вечер он галантно провожал меня в номер и ни разу не вышел за рамки приличий, хотя мог бы.

Через неделю нас забрали на яхту, и мы двинули обратно на Сардинию. Штормило ещё сильнее, мы плыли весь день. Марио закутывал меня в полотенце, чтобы я не сгорела на солнце, когда лежала на палубе, свесив голову за борт. Подносил в термосе отвар имбиря. Он бледнел, когда меня выворачивало, и улыбался, когда видел, что мне полегчало. В аэропорту Альгеро на Сардинии он пропустил свой рейс, чтобы посадить меня на самолёт, и целый год писал мне письма и смс, в которых признавался в любви и мечтал познакомиться с мамой. Милый, милый Марио. Такой настоящий, живой. Я помню, как он задерживал дыхание, когда прижимал мою руку к своей груди. И кудряшки выбивались из-под ворота его рубахи.

Сегодня Марио встречал меня на улице, возле древнего своего дома, в котором жил, наверное, ещё сам Октавиан Август. Марио обнял меня, и его кудряшки, выбивающиеся из-за ворота рубахи, пощекотали мне щёку. Кругленький, смуглый, он надел сегодня всё самое лучшее из гардероба – белые джинсы, белоснежную рубашку, он благоухал парфюмом и был так влюблён, что можно было увидеть над ним

стайку купидонов. Рядом с ним было тепло и надёжно, и хотелось замереть в этом гнезде ароматов и красоты.

Мы поднялись в его квартиру – огромную, как две Италии, с лепниной на высоченных потолках. Сразу на кухню. Кофе и завтрак. Марио всегда повторял, что женщину нужно кормить. На кухне колдовала его мама. Картины она, как ни странно, не портила. Мама готовила макароны (о, простите, пасту). В посудине невероятных размеров эта паста смотрелась, как огромный клубок змей, копошащихся в помидорной крови. А рядом стояли посудины поменьше с салатами, соусами и приправами. Мама была большая, красивая, с низким голосом и чёрными густыми бровями. Мама. Он слушался её, как мальчик, и я должна была вести себя так же. Как только мы сели за стол, мама навалила мне такую порцию, что у меня закружилась голова. Мы завтракали часа два с половиной, мама подливала нам кофе, я улыбалась изо всех сил, а Марио переводил вопросы мамы – какая у нас семья, много ли родственников и какое вино я предпочитаю в это время суток. Мама прищуривала глаз и вопрошала, не из тех ли я заморских красавиц, что съедают на завтрак половину варёного яйца. Такие женщины им не подходят, ни есть не умеют, ни готовить. Её мальчик должен правильно питаться. Сорокасемилетний мальчик смотрел на маму с обожанием. Мамма миа.

В это время суток по выходным я обычно не ем и не пью. В это время суток я обычно вижу десятый сон. Я встала но-

чью, мы с шефом вылетели в такую рань, что я даже не подозревала о существовании такого времени суток. Сейчас я не хотела ничего, кроме как упасть, желательно рядом с Марио, и поспать хотя бы час, а лучше три. Мама поняла это и пригласила меня отдохнуть. Она засобиралась на рынок. В этом царстве гастрономических безумств что-то закончилось и требовалась дозаправка. Она велела Марио показать мне мою комнату и собираться с ней на рынок – одной ей покупки не донести.

Я провалилась в липкий дневной сон. Гул самолёта, потный шеф, Марио в гнезде макарон... Когда проснулась, был белый день. Прекрасное время – не поздно и не рано. Я встала и пошла осматривать квартиру.

Роскошь, много дерева и серебра. Старинные двери, лампы, кресла, подсвечники, картины, фарфоровые статуэтки. И несколько фотографий. Одна из них меня заинтересовала особенно – молодой, если не сказать, юный, Марио с девушкой небесной красоты. За их спинами видна полоска моря. Её голова склонилась к его плечу, он прижимает к своей груди её руку. Редкие ещё кудряшки выглядывают из-под ворота его рубахи. Идиллия. Кто эта девушка? Где? На обороте карандашом было написано имя и год – Клементина, почти тридцать лет назад! Ладно, не будем торопить события, Клементина. Я прилетела сегодня утром, и, хотя времени у меня мало, я уже успела многое – съесть тазик макарон, отоспать-

ся... Всё разъяснится, Клементина. А пока – душ и кофе.

Кофе я сварила в ковше. Никогда не разберусь я с этими кофейничками, в которых варят кофе итальянцы. Я разбавила кофе молоком, хотела добавить корицы или ванили, но не рискнула рыться в специях Мама. Как только я сделала глоток, дом наполнился криком и гулом. Под высокими потолками с лепниной гуляло эхо. Казалось, что я в царстве звуков и теней. В квартире по-прежнему никого не было видно, но звук нарастал. Он доносился из прихожей. Когда я была маленькая, у нас в семье сломался телевизор – он не показывал, только говорил. Ожидая мастера, мы почти месяц использовали телевизор как радио. Сейчас ситуация была аналогичной – звук был, а изображение запаздывало: от входной двери до любой комнаты здесь метров десять по прямой, и говорящие, вернее, галдящие, ещё не прошли этот путь. Судя по голосам, в квартиру вошло человек двести, ну, учитывая, что это итальянцы, может быть, пятьдесят. Гул нарастал. На меня надвигалась кричащая орда, а я по-прежнему никого не видела. Раздавались крики: «Где она? Где?» Хорошо, что я немного понимаю итальянский. Наконец, дверь распахнулась, и в кухню ворвались люди.

Семья Марио. Красивые, смуглые, молодые и старые. Они замерли на пороге в широких дверях и уставились на меня. Какие любопытные чёрные глаза! Те, кто был в задних рядах, толкали передних, толпа накатывала, как морские вол-

ны. Я вжалась в стул. Я почувствовала себя Алисой, уменьшившейся до размеров мизинца. Огромная кухня с высоким потолком давила на меня... Наконец, от тела толпы отделилась фигура Марио. Он подбежал и поднял меня на руки. Гул толпы рассыпался на пиццикато. Родственники цокали языками. Далее толпа набросилась на нас и начались яростные поздравления.

Меня в этот момент волновало только одно – как бы не облить итальянских товарищей кофе. Однако, когда мне удалось выдернуть свою руку из толпы, я увидела в ней не чашку с кофе, а бокал с вином. Что ж, так даже лучше. Толпа родственников целовала и щипала меня, стрекоча и бурля. Я отпила вина и засмеялась. Это было безумие, но чудесное! Родственники что-то говорили, рассказывали, передавали меня из рук в руки. В дверях появилась инвалидная коляска с бабушкой лет ста пятидесяти. Бабушка взяла меня за руку и что-то произнесла. Все прослезились. Марио бросился целовать бабушке руки, я обняла её. В общем безумии женщины как-то отделились от мужчин и, видимо, отправились готовить. У нас в России, чтобы накормить такую ораву, надо начинать готовить за неделю. Но здесь всё было проще. В столовой материализовался огромный стол и скатерть-самобранка, толпа галдящих мужчин уселась, стайка чирикающих женщин принесла салаты и вино, и началось...

Когда-то в детстве я слышала историю о буднях советской

армии. Один солдат-срочник получил несколько дней отпуска и отправился домой, в деревню, в Молдавию. И не вернулся. Парень он был неплохой, служить ему оставалось всего ничего, да и скандал с дезертирством никому не был нужен, поэтому на его поиски тихонько отправили старшину. Тот тоже пропал. Заинтригованное командование подождало ещё месяц и послало по адресу проверенного прапорщика – коммуниста и солдафона. Он вёл уроки политинформации для срочников, был прост, силён и несгибаем. Ещё через месяц пропавшие вернулись в часть. К тому моменту срок службы солдата удачно подходил к концу, так что ему надо было только вещи собрать. Солдат загадочно молчал и улыбался, а его избавители, наоборот, рассказывали взахлёб, как опасно любят гостей в этой молдавской деревне. Их передают из дома в дом, наливая из огромных алюминиевых чайников домашнее вино, и конвоируют даже ночью, чтоб дорогие гости не сбежали, насладились гостеприимством сполна. Уже через несколько дней гости перестают различать дни недели, время суток и стороны света. Всё сливается в сверкающий водоворот, как узоры в калейдоскопе. Чтобы покинуть эту сказку, прапорщику пришлось обратиться за помощью к местной милиции.

Примерно такой калейдоскоп разворачивался сейчас вокруг меня. Все веселились, как в последний раз, и я тоже, пока не устала. Мышцы лица у меня болели от улыбки, в ушах

стоял звон, и я решила немного перевести дух. Я вышла в соседнюю комнату и прикрыла дверь. Музыка продолжала звенеть, но теперь только в ушах. Я плюхнулась на кушетку. Сначала мне показалось, что в комнате я одна, но неожиданно одно из кресел в углу зашевелилось. Это была старуха. В одной руке она держала старую фотографию в рамке, а в другой – скомканный носовой платок. Глаза её блестели. Костлявые руки жестикулировали.

Я подошла к ней и наклонилась.

– Это очень, очень грустная история, – начала старуха, – про славную девушку Клементину.

Я напрягла слух. Итальянский язык я знаю плохо, но старуха говорила медленно, подкрепляя по доброй итальянской традиции каждое слово выразительным жестом, так что многое мне удалось разобрать.

Если пересказать вкратце, то эта детективная драма произошла на Сицилии. Марио был членом коза ностра, как все мужчины в этой замечательной семье. Тогда входили в моду синтетические наркотики, и Марио мог сделать большую карьеру. Мальчик старался и зарабатывал деньги как мог. Но система мироустройства пошатнулась. Не только наркотики стали синтетическими. Отношения между людьми перестали быть настоящими. Возникла новая ветвь мафии, начался передел власти. Марио отказался входить в коалицию, и это было его ошибкой. Клементину похитила мафия. Эти новые бизнесмены ни во что не верят, не уважают традиции.

Больше её не видели.

– И он не пытался её найти? – только и могла спросить я.

– Пытался, конечно. Но вскоре стало понятно, что нам всем конец, если мы не покинем Сицилию. Мы продали дом и уехали, – старуха вытерла платком глаза и собралась покинуть комнату.

Если действительно появляется седина на нервной почве, то пара волос у меня в тот момент посеребрилась. Вот это безобидное существо Марио – мафиози?

Я посторонилась, старуха крутанула колёса коляски и поехала к выходу. Оставляя меня наедине с портретом Клементины, она сказала:

– Марио ещё своё возьмёт. Каждый имеет право на вторую попытку.

Дверь за старухой закрылась. Я переглянулась с Клементиной. Её взгляд стал другим. Более понятным, предостерегающим. Мне было жалко Клементину и страшно за себя. Происходящее напоминало круто заваренный детектив, а я бы предпочла итальянский неореализм. Чтоб всё, как в жизни, и с лучиком надежды в конце. Через преодоление к пониманию. С осознанием мира в себе и себя в мире. Чтоб личностный, прости господи, рост. А здесь, в этой реальности, я вполне могу сыграть роль тела в бочке с бетоном. Причём в интересах семьи, ничего личного. А я не хочу быть второй попыткой Марио, второй Клементиной. Если банки – мировое зло, то наркокартели – это вообще за гра-

нюю. Я представила, как становлюсь частью семейного бизнеса. Снимаю трубку телефона и говорю изменённым голосом: «Берёте оптом? Отличный товар!» Мы пересчитываем пакеты с порошком, пересчитываем деньги, а потом я пересчитываю крестики в своей камере, чтобы понять, сколько лет мне ещё сидеть за наркоту. Не мой сюжет, однозначно.

Ночью мы гуляли по Риму. Марио спросил, как мои дела. Я рассказала. Как устала работать в банке, какой мерзкий у меня начальник... Такой мерзкий, что я сбежала от него в аэропорту. В общем, сболтнула лишнего. Ночной Рим и вино располагают к откровенности. Марио надулся и покраснел, как сицилийский помидор. Он явно был недоволен, что я прилетела с другим. Всё же эти итальянцы бывают слишком мнительными, и чем южнее, тем дурнее. Я попыталась его успокоить, но вышло ещё хуже. Марио ревновал. У него был другой, чужой темперамент, он был непонятен мне и неуправляем. Чтобы манипулировать им, нужно быть его мамой. Оглянувшись, я поняла, что город полон таких людей. Громко говорят, жестикулируют, кричат... Мне нечего здесь делать. Рим – открытый город, но не для меня.

На следующий день он принёс мне кофе в постель. Макиато, как я люблю. День моего отъезда начинался отлично, если бы не предчувствие.

Есть такой фильм Джузеппе де Сантиса – «Рим в 11 ча-

сов». Я чувствовала себя, как одна из героинь этого фильма. Ты на самом верху, цель близка, но лестница уже шатается.

Мы провели с Марио весь день, и он предложил отвезти меня в аэропорт. Конечно, на стойке регистрации я встретила шефа. Тот бросился ко мне, роняя на ходу упрёки и обвинения. Неосторожно схватил меня за плечо. Марио потемнел лицом, превратившись из Ромео в Отелло, и бросился ему наперерез. Никогда в жизни я не видела такой безобразной сцены. Звучали ругательства – сицилийские с одной стороны и исконно русские с другой. Обвинения и оскорбления капали, как кислотный дождь, прожигая бетонный пол аэропорта. Конечно, они друг друга не понимали. Полиция не вмешивалась, явно сочувствуя Марио, но ровно до того момента, пока Марио не набросился на моего шефа с кулаками. Шеф не успел даже испугаться, а худенький мужчина-полицейский и его коллега-женщина исполинского роста скрутили Марио и надели на него наручники. Я зажмурилась. И хоть я не прорицатель, но перед моими глазами ясно выросла мама Марио, осыпающая меня проклятиями. Её мальчик пострадает из-за меня. Шеф и Марио отправились в полицейский участок.

Из-за нас задержали рейс. Мой шеф глазами метал молнии. Эти молнии должны были меня убить, и убили бы, если б не лежащее в отделе кадров заявление об увольнении. Оно работало как оберег даже на расстоянии. Я больше не служу в банке – и точка. Я тебя не боюсь, лицо-банка.

Шеф шевелил жирными боками. Всю дорогу до Москвы он что-то строчил в ноутбуке, словно палач затачивал топор.

Конечно, он мне отомстил. При увольнении я получила волчий билет и не смогла устроиться ни в один банк Москвы, даже игрушечный. Ровно через полгода я обнаружила, что мне нечем платить за квартиру. Что на улице зима. И что Марио ни разу не позвонил мне.

В любой непонятной ситуации пей кофе. Гуляя на Патриарших, я купила бумажный стакан кофейного суррогата на-вынос и посмотрела в серое московское небо. Патриаршие пруды ещё сохранили налёт мистичности, здесь можно сосредоточиться и сделать запрос наверх: где, когда, на каком этапе произошёл сбой? И, господи, неужели ничего нельзя вернуть? Господи, ты вообще меня слышишь?

...Наш самолёт совершил посадку в аэропорту Схипхол. Добро пожаловать в Амстердам! Мой шеф радовался как ребёнок. Приближал ко мне лицо-банку и невыносимо улыбался. От него пахло кислым шампанским и похотью. Наверное, уже представлял меня в одной из витрин квартала красных фонарей.

– Как я хочу поскорее в город, – в который раз повторял шеф.

– Я тоже, – честно признавалась я.

Когда самолёт приземлился, шеф готов был захлопать в ладоши. Первым помчался на выход, потом вприпрыжку – получать багаж. Я сделала вид, что буду ждать его на улице. Слава богу, здесь были свободные такси.

– В центр, пожалуйста, и побыстрее, – сказала я водителю.

Не знаю, почему символом свободы считается голубь. Иногда их ещё выпускают на свадьбах как символ чистоты и любви, или в кино показывают, как душа в виде голубя поднимается в небеса. По-моему, эти городские твари совсем не заслужили такой чести. Когда я бываю в больших городах на открытых площадках, всегда держусь подальше от туристов, которые кормят этих крылатых крыс – берегу верхнюю одежду. Но, как бы то ни было, сейчас я ощутила себя голубкой, освободившейся из силков, других сравнений у меня не было.

Когда едешь в Амстердам из аэропорта, видишь несколько зданий, архитектура которых поражает. Не то, чтобы это было очень красиво, скорее, необычно. В этом весь Амстердам. Он как хорошее кино – скандальный, спорный, непонятный, броский – разный. Его не забудешь и не спутаешь ни с чем. Дома старого Амстердама торчат, как кривые зубы в ухмылке.

Хуже с людьми. Они одинаково помешаны на толерантности. Если хрупкая девушка меняет колесо машины в России – ей помогут мужчины. Чем глубже в России, тем ско-

рее помогут. На Дальнем Востоке ей даже не надо будет выходить из авто – достаточно включить аварийку. В Москве придётся выйти и открутить одну гайку. Может, две, если в центре.

В Нидерландах ей не поможет никто. Чтобы не обидеть. Ведь помочь женщине поменять колесо – это подчеркнуть её женскую неполноценность, слабость, зависимость от мужчины. Русским женщинам в Нидерландах живётся тяжело. Русская женщина хоть и коня на скаку остановит, но с детства усвоила туго: не трогай ты этого коня, если рядом есть мужчина. Рядом с мужчиной русская женщина становится мягкой, доброй и беспомощной. В Нидерландах такой номер не пройдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.